

- [Брайан Дуглас](#)

○

Брайан Дуглас

Диадема богини

**Дуглас БРАЙАН
ДИАДЕМА БОГИНИ**

Кабак Абулетеса располагался в том квартале Шадизара, где в больших количествах обитали висельники разных мастей - похитители людей, наемные убийцы, уличные грабители, бандиты с большой дороги и, наконец, воры, карманники, жулики всех родов, званий и степеней квалификации, которыми славен был чудесный город Шадизар, получивший прозвание "Город Воров". Сам Абулетес, жирный, неопрятный человек неопределенного возраста, работал с утра до вечера, обслуживая своих беспокойных клиентов и, по слухам, отличался исключительной честностью, прибегая только к шантажу, да и то в редких случаях. Чтобы Абулетес обсчитал какого-нибудь громилу, зарабатывающего себе на хлеб грабежом или разбоем, такого никто не упомнит. Был он крайне услужлив, и на него всегда можно было положиться в тех нередких случаях, когда требовалось срочно спрятать похищенную девицу - при этом в такое место, где, во-первых, никто не услышит ее жалобных воплей и рыданий, а во-вторых, не будет нанесен ущерб ее красоте. Незаменим был Абулетес и в качестве укрывателя краденого, а что до трупов неведомого происхождения - то не было ему равного, если возникала необходимость избавиться от такой обузы, как покойник.

Именно поэтому дела Абулетеса процветали. Он по-своему любил своих клиентов и, навалившись на стойку животом в заляпанном фартуке, смотрел на них маленькими заплывшими глазками почти любовно. Вот дюжий кофитянин с серьгой в ухе - недавно утащил из почтенного дома трех дочерей-красавиц на выданье и с большой выгодой для себя продал на турецкой границе. В углу двое заморанцев, смуглых, низкорослых, вертких. Абулетес мимолетно поморщился: не любил он своих соотечественников. Уж вот от кого постоянно жди подвоха. То ли дело гирканцы - спокойные, выдержаные люди, всегда высказываются ясно и прямо, а если им возразит, то просто зарежут. Абулетес никогда не возражал гирканцам, и потому недоразумений не возникало.

Его взгляд остановился в углу возле двери в кабак, и хозяин невольно вздохнул. Там сидел самый неприятный из всех его клиентов. Это был совсем молодой человек, который порой убивал в день до четырех человек, осмелившихся обратиться к нему с вполне закономерным "малыш" или "мальчик". За "парня" он мог расквасить нос, за "молодого человека" подбить глаз. Обращение "приятель" вызывало лишь скрежет зубов, однако без членовредительства. Абулетес пытался как-то отечески втолковать юноше, что весь Шадизар не может знать его по имени, что же до прозвищ, то ведь их нужно еще придумать.

- Пусть называют "киммериец", - мрачно заявил парень.

Абулетес воздел к небу жирные короткие ручки и закатил глаза:

- Спаси нас, пресветлый Митра, да откуда же они могут знать, что ты киммериец, ма... приятель!

Мгновение Абулетеса сверлил свирепый взгляд синих глаз молодого варвара, после чего тот ответил:

- Погляди на себя в зеркало, Абулетес. Как по тебе за версту видно, что ты прятал в своем подвале тех трех высокородных дурочек, которых недавно продали в гарем, так и моя внешность...

- ...указывает на человека благородного, отважного и наделенного прочими достоинствами,

- подхватил Абулетес. - Но поверь мне, друг мой, в Заморе никто слыхом не слыхивал ни о какой Симмерии...

- Киммерии, - поправил юноша, медленно багровея от злости.

- Неважно. Это я сказал с акцентом. Словом, Конан, я просил бы тебя быть посдержаннее. Знаешь, в конце концов, молодость - не порок, напротив, прекрасное время жизни. Если бы я мог вернуть мои молодые годы...

Конан из Киммерии смерил его с головы до ног презрительным взглядом, и Абулетес поспешил налить ему вина.

Впрочем, после этого разговора киммериец стал действительно более сдержаным.

Был он высокого роста, широкоплеч и мускулист. Отличное сложение, правильные черты лица и, как это ни странно, своеобразное варварское благородство - все это привлекало к нему людей. Впрочем, было бы правильнее сказать иначе: это привлекало к нему женщин. В настоящее время он обзавелся подружкой по имени Семирамис. Это была невысокая, широкая в кости девушка с большим жизненным опытом, она была старше Конана по меньшей мере лет на десять. Насколько было известно Абулетесу, эта дама бессовестно вымогала у него деньги, которые парень добывал из кошельков состоятельных шадизарских купцов. Поэтому Конан всегда был без гроша. В этом смысле Семирамис постоянно стояла у трактирщика на пути, и Абулетес ненавидел ее вполне искренне.

Требовать у Конана плату за постой и обеды, которые юноша поглощал со свойственным его возрасту неумеренным аппетитом, Абулетес считал чистейшим самоубийством. Ждать, покуда киммериец заплатит, было делом безнадежным. Выселить его не представлялось возможным. Поэтому Абулетес предпочитал ладить с молодым варварам и лишь разбавлял вино, которое тот потреблял еще в больших количествах, чем съестное, а хлеб подавал черствый. Варвар еще не до конца разобрался с благами цивилизации и не всегда отличал первый сорт от второго: что до свежести продуктов, то его больше интересовало их количество.

Вот и сейчас: сидит за столиком в "своем" углу возле выхода и срывает зубами мясо с бычьей ляжки. Плохо прожаренное мясо трещит на крепких белых зубах варвара. Жирный сок стекает по локтям, и время от времени парень наклоняет голову и облизывает руки. Длинные черные волосы болтаются в опасной близости к мясу, вот-вот запачкаются. Впрочем, Конана это не очень волновало.

У входа в кабак загремело оружие. Все присутствующие замерли, повернувшись к двери. Руки потянулись к поясам, где каждый без исключения носил нож, звезду с заточенными краями, трос с металлическими шариками на конце либо какое-нибудь другое оружие. Варвар хмуро улыбнулся и тронул широкий меч, с которым не расставался никогда (Абулетес подозревал, что, даже занимаясь любовью с ненасытной Семирамис, Конан одну руку держит на рукояти меча).

Пригибаясь, чтобы не задеть о притолоку высоким коническим шлемом, в кабак вошел офицер заморанской гвардии. За ним в кабак ворвалось десятка два солдат в блестящих кольчугах. Они выстроились полукругом за спиной своего командира, как по команде выставив вперед пики с пестрыми бунчуками.

Абулетес выронил кружку, которую в этот момент сполоскивал в тазу с такой грязной водой, что скорее пачкал, чем отмывал в ней посуду. С жалобным плеском кружка погрузилась в воду, и жирные пятна сомкнулись над ней.

- Гвардия... - прошептал хозяин кабака. - Кто же из этих паразитов затронул государственные интересы? Говорил же им: грабьте мирных горожан, крадите девственниц из почтенных семей, убивайте невинных, но избави вас Митра и Варуна посягать на дворец, хотя вот уж где кишат настоящие злодеи...

- Всем оставаться на местах! - прогремел офицер. - Где хозяин этой вонючей дыры?

- Я здесь, - дрожащим голосом отозвался Абулетес, поспешил обтирая руки о засаленный фартук. - Что-нибудь случилось?

- Нам известно, что вы укрываете краденое, даете приют всяким бандюгам и расплодили по городу воров.

- Насчет "расплодил" - это явное преувеличение, господин офицер! затараторил Абулетес. - Воры, ваше высокоблагородие, плодятся сами, спросите хоть Семирамис... - Он вовремя прикусил язык, поймав яростный взгляд Конана.

- Семирамис? - Офицер снял с пояса глиняную табличку и пошарил по ней взглядом. Он умел читать и очень гордился этим. - Кто такая? В моем списке нет.

- Это одна... э... почтенная дама, - пролепетал Абулетес, оказавшись между двух огней: справа его сверлил взглядом киммериец, слева начальственным взором мерил его офицер. - У меня с ней нелады, господин офицер, вот я и брякнул, исключительно чтобы опорочить ее честное имя...

- Ладно, этой потаскушкой займемся в другой раз, - отрубил офицер. В настоящее время нас интересует один из тех ворюг, которые у вас проживают в холе и покое.

- Смею вас уверить, господин офицер, мои клиенты - почтенные и славные люди, - твердо сказал Абулетес, который обрел наконец почву под ногами и заговорил увереннее. Такие диалоги ему приходилось уже вести не раз, правда, не с представителями королевской гвардии, а с жандармами рангом пониже.

Офицер с сомнением оглядел "славных людей". На него настороженно смотрели горбоносые и плосконосые, темноглазые и светлоглазые, узкие и широкоскульные липа, испещренные шрамами, расцвеченные клеймами, разукрашенные синяками и свежими ссадинами, изуродованные морщинами. У двоих или троих были вырваны ноздри, у пятерых не хватало ушей. Лишь одно лицоказалось по-настоящему красивым - это было лицо молодого киммерийца. Однако офицер не сомневался, что у юноши просто не было времени побывать во всех переделках, которые выпали уже на долю его товарищей по пансиону. Шрамы, клейма и морщины придут в свой черед и исполосуют эти правильные черты, изуродуют чистые щеки, избороздят гладкий лоб.

Качнув головой, офицер сердито сказал:

- У меня нет времени на пустые разговоры с тобой, трактирщик. А уж тем более - ближе знакомиться с этим сбродом. Скажу кратко: сегодня ночью какой-то дерзкий вор обокрал опочивальню сиятельной графини Зоэ, да простит мне госпожа, что я произношу ее чистое имя в этом поганом месте.

Зоэ была последней любовницей шадизарского градоправителя, знатного вельможи, состоявшего в кровном родстве с королем. Это была молодая пышнотелая и белолицая красавица с длинными белокурыми волосами. Про нее рассказывали, что она отличалась изощренной жестокостью и испытывала сладострастное удовольствие, насмерть забивая слуг длинным кнутом со свинцовыми шариками, зашитыми по всей длине кнутовища. В городе она вызывала всеобщую ненависть своим мотовством, высокомерием и почти неограниченным влиянием на градоправителя. Поэтому известие о том, что кто-то осмелился обокрасть эту женщину, послужило поводом для дружной овации и восторженного вопля, вырвавшегося одновременно из полусотни надорванных хриплых глоток.

- Молчать, - рявкнул офицер. - Нам известно многое, трактирщик. Нам известно, например, что была похищена алмазная диадема, старинная реликвия, привезенная для сиятельной Зоэ из самого Китая. След привел нас сюда. И что еще забавнее, друг мой... как бишь тебя?

- Абулетес, - пробормотал хозяин, который начинал чувствовать, что дело заходит слишком далеко. Опытным взглядом он смерил расстояние до стойки, прикидывая, успеет ли убрать

бывающие предметы до того, как начнется всеобщая свалка.

- Какая разница, - высокомерно отозвался офицер. - Словом, этот подонок сейчас скрывается у тебя. Либо ты выдашь его сам, либо мы найдем его и арестуем.

- Господин, мне неизвестно об этой краже, - сказал Абулетес. - Я впервые слышу о ней от вас. Если вы считаете, что виновный скрывается у меня, - прошу.

Он прекрасно понимал, что примитивный обыск ничего не даст, и потому не очень-то беспокоился. И тут произошла катастрофа.

Поскольку солдаты вошли очень тихо и ожидаемая потасовка еще не началась, в верхних комнатах, предназначенных для ночлега, а также для свиданий с доступными девушкиами по доступным ценам, ничего не было слышно. По лестнице, громко стуча каблуками, сбежала эта проклятая дура Семирамис. Раскачивая широкими бедрами, еле прикрытыми полупрозрачным шелком ядовито-фиолетового цвета, она устремилась к Конану. Абулетес еле слышно застонал сквозь стиснутые зубы. На длинных черных волосах Семирамис, распущеных по такому случаю по плечам, возлежала та самая кхитайская диадема, о которой только что шла речь. Ошибиться было невозможно: алмазы сверкали даже в полутемном помещении, словно светились своим собственным светом. Две змеи из белого золота сплетались хвостами над узким лбом шадизарской потаскушки. Продетые сквозь змеиные тела кольца с длинными подвесками звенели при каждом движении головы, сплетая странную мелодию.

- Конан! - завопила она своим низким пропитым голосом и устремилась к молодому варвару. - Какая очаровашка! Ты просто чудо, и я навечно...

Тут только ее глаза привыкли к полумраку и она разглядела стоящих у входа солдат, застывших со своими пиками. Даже в темноте было заметно, что Семирамис побледнела.

Офицер расхохотался.

- Вот и решение загадки, - сказал он и обернулся к солдатам. - Взять ее!

Солдаты устремились вперед. Семирамис обеими руками вцепилась в диадему и помчалась обратно к лестнице, своротив по дороге столик и, судя по громкому крику боли, посадив себе на обольстительное бедро основательный синяк.

Мгновенным движением Конан вскочил, перевернув стол, схватил левой рукой табурет, а правой вытащил меч. Обрушив табурет на конический шлем офицера, он рассек мечом воздух и ловко отразил удар пики, направленный ему в грудь.

- Беги, Семирамис! - зычно крикнул он.

Солдаты, разъяренные сопротивлением, набросились на молодого варвара, который оскалил свои белые зубы и радостно устремился им навстречу. Копошась на полу, офицер, наполовину оглушенный, стоал:

- Девку хватайте, девку! Спасайте диадему! С вором разберемся после...

Но его никто не слушал. "Хорошенькая же дисциплина в королевской гвардии", - ошеломленно думал Абулетес, устремляясь к стойке бара. Он привык к тому, что солдаты жандармерии беспрекословно подчиняются своему начальству. К тому же жандармы всегда стремились вернуть похищенное в большей степени, нежели отловить и покарать преступника. Объяснялось это тем, что в жандармерии служили преимущественно простолюдины, которым платили за возмещение ущерба, а не за отрубленные головы. Что касается гвардейцев, то они, даже рядовые, большей частью происходили из благородных семейств и погоню за потаскушкой, пусть даже в украденной диадеме, считали за дело презренное. Совсем другое - открытая битва. К их услугам был великолепный варвар с двуручным мечом, которым он орудовал с такой легкостью, будто то была бамбуковая палка.

Лишь двое или трое погнались за Семирамис. Обернувшись на верхней ступеньке, она с силой лягнула одного из них каблуком между ног. Солдат взревел от боли и повалился на своих

товарищей. Пока они бахтались на полу у основания лестницы, потирая шишки и останавливая кровь, бегущую из носа, Семирамис уже исчезла.

Конан испустил свой боевой клич, от которого задрожали стены тесного помещения и зазвенели стеклянные стаканы за стойкой Абулетеса. В тот же миг кто-то запустил кружкой в масляную лампу, и комната погрузилась в полную темноту. Некоторое время во мраке раздавались лязг металла и треск дерева, потом послышались крики боли, стоны, вопли о пощаде. Наконец Абулетес нашел за стойкой глиняную лампу и начал стучать кресалом. Кто-то невидимый схватил его за руку, и тихий голос со странным акцентом прошептал ему прямо в ухо:

- Господин, лучше не делать эта.

Голос звучал мягко, но в нем таилась странная угроза. Абулетес счел за лучшее довериться чутью: кто бы ни был этот незнакомец, с ним лучше не портить отношения.

Свет зажгли гораздо позднее и совсем в другом месте. С улицы кто-то принес факел (оказалось - кофитянин с серьгой в ухе). В багровом свете предстала картина побоища. На полу лежал офицер, затоптанный в схватке насмерть. Несколько трупов в блестящих кольчугах плавали в лужах крови. Повсюду валялись пики. Бунчуки намокли в крови и вине и обвисли. Большинство солдат и часть посетителей исчезли бесследно. Один из раненых солдат жался в углу и метался взглядом от стены до выхода, видимо соображая, как же ему выбраться отсюда.

А на столе, болтая ногами в сандалиях, сидел молодой киммериец и от души потешался.

- Ну что, - сказал он, не обращаясь ни к кому в отдельности, кто-нибудь еще хочет со мной побаловаться? А то я не наигрался.

Ответа, как и надо было ожидать, не последовало. Раненый солдат в отчаянии прикусил губы, когда варвар гибким движением спрыгнул со стола и направился к нему. Похоже, гвардец не сомневался - сейчас его прикончат. Однако Конан постоял над ним, хмыкнул презрительно и потыкал в него грязной сандалией, намеренно пачкая блестящую кольчугу.

- Эй ты, - сказал он, - убирайся. Не умеешь драться - не берись за оружие. И скажи своему безмозглому начальству, чтобы не вздумало больше тягаться с Конаном из Киммерии. Даже если эта жирная баба, графиня Зоэ, отправит против меня целый полк, я свалю вас всех. Клянусь Кромом, я буду присыпать ей по отрубленной голове в день, если она не успокоится!

Солдат с трудом перевел дыхание и, цепляясь за стену, встал на ноги.

- Я могу идти, господин? - спросил он, не веря своим ушам.

- Разумеется, - презрительно бросил Конан.

- Мое имя Аршак, и я навеки твой должник, - сказал солдат, но Конан уже повернулся к нему спиной. Наклонившись над офицером, киммериец снял с его пояса глиняную табличку. Во время потасовки она осталась почти невредимой, если не считать того, что треснула пополам. Офицер навалился на нее животом и тем самым, можно считать, спас от повреждений. Несколько секунд киммериец тупо смотрел на клиновидные буквы, потом пожал плечами и раздавил табличку подошвой сандалии.

- Абулетес! - рявкнул Конан.

- Здесь, - уныло отозвался хозяин, предвидя заранее просьбу своего постояльца.

- Похорони эту падаль и вели служанкам помыть полы, - распорядился варвар.

- Послушай, Конан, - сказал Абулетес, подходя к молодому варвару поближе и после некоторого колебания кладя руку ему на плечо. - Ты очень обязал бы меня, если бы нынче же съехал. Ты мне очень нравишься, ты благородный и очень симпатичный моло... мужчина, но слишком уж беспокойный.

Конан посмотрел ему в глаза, и Абулетес смешался.

- Конан, - снова проговорил он, однако руку с плеча варвара убрал. Слушай, Конан, я сделаю

все, что ты хочешь, и даже платы не потре...

- Что? - кратко спросил Конан.

Абулетеc взорвался, хотя понимал, что порыв может стоить ему жизни.

- Проклятье Сета на твою безмозглую башку, киммерийский дикарь! заорал он. - Хорошо, я закопаю трупы на городской свалке. Но полы пусть моет эта твоя дурища, Семирамис, которую ты обрядил как королеву! В конце концов, это из-за ее глупости тут так напачкали...

Конан задумчиво осматривал клинок двуручного меча и, обнаружив на нем пятнышко крови, обтер его об одежду Абулетеса. Трактирщик сдался.

- Хорошо, - прошептал он. - Будь по-твоему, киммериец. Но если меня вызовут во дворец и начнут пытать, я могу не выдержать испытания и назвать твое имя.

- Ты можешь не дожидаться начала пытки, - хмыкнул Конан. - Я разрешаю тебе сказать им все. Пусть приходят и забирают меня, если у них это получится.

Он с лязгом сунул меч в ножны, повернулся и побежал вверх по лестнице.

Графиня Зоэ бушевала.

- Моя диадема! - пронзительно кричала она. - Мои драгоценности! Подумать только, даже в своем дворце я не могу чувствовать себя в безопасности! Кто этот вор?

Аршак склонил голову.

- Какой-то варвар из дикой северной страны, госпожа моя.

- Молчать - взвизгнула Зоэ. - Я не хочу ничего слышать о нем! Он мог посягнуть на меня! Какой ужас!

Она металась по своей опочивальне, окутанная полупрозрачными шелками, сквозь которые просвечивали ее пышные формы. Перед глазами солдата мелькали то розовые груди с сосками, подкрашенными охрой, то гладкие круглые бедра. Он с удивлением поймал себя на том, что все эти прелести оставляют его равнодушным - может быть, потому, что графиня Зоэ время от времени награждала егоувесистой пощечиной.

- Пятнадцать взрослых мужчин не могли взять какого-то варвара! вопила Зоэ. - Невероятно! Неслыханно! Бахтияр убит! Великий Митра, высокородных господ стали убивать ударом табуретки по голове! А где остальные?

- Не знаю, госпожа моя, - тихо сказал Аршак. - Я видел еще четыре трупа. Думаю, что другие убежали...

- В бегах? - Зоэ остановилась и впилась в него взглядом. - Ты хочешь сказать, они попросту дезертировали?

Опасаясь быть избитым, солдат осторожно ответил:

- Я не знаю.

- А что ты вообще знаешь? - закричала Зоэ и снова занесла свою пухлую руку. На этот раз солдат уклонился от удара и перехватил ее запястье. Зоэ дернулась, но он крепко держал ее.

- Хам, - прошипела она. - Ты соображаешь, что ты делаешь? Сейчас я закричу, и тебя четвертуют...

- А меня и без того четвертуют, - сказал Аршак с жуткой уверенностью. - Если остальные действительно дезертировали, значит, у них хватило ума это сделать. Все, что мне остается, - это исправить мою ошибку.

Он оттолкнул от себя графиню и направился к выходу.

- Стража! - закричала она вне себя, но, к ее величайшему удивлению, никто не откликнулся. Аршак, удивленный не меньше, чем сама Зоэ, беспрепятственно покинул ее дворец. И только в просторном дворе увидел, почему ему удалось это сделать.

Личная охрана сиятельной Зоэ никуда не исчезла - все были на месте. Люди сидели и стояли в полной неподвижности, как куклы, некоторые застыли в воинственных позах, с

поднятыми пиками и мечами, занесенными для удара.

Более того. Среди охранников Аршак заметил семерых своих товарищей, тех, что вместе с ним приходили арестовывать дерзкого похитителя диадемы. Они тоже были неподвижны и, как заметил потрясенный Аршак, смертельно бледны и очень худы, как будто им пришлось голодать не один день. Создавалось впечатление, что их принесли, или привезли и свалили в углу штабелем, точно бревна.

Аршак потрогал одного из них. Он был холоден, как камень, и казался мертвым. Однако вдруг замороженный пошевелил глазами и уставился на человека. Аршак отпрянул, ощущив приступ тошнотного ужаса.

В тот же миг он сообразил, что только что своими руками поставил себя вне закона, посягнув на графиню Зоэ. Теперь ему только и остается, что скрываться, а скрываться можно лишь в воровском квартале. Не напроситься ли в напарники к этому Конану? Мысль показалась ему дикой, и он, несмотря на ужас своего положения, усмехнулся.

Мстительная Зоэ выскочила во двор почти голая и застыла в дверях, пораженная открывшимся ей зрелищем. Впрочем, замешательство почтенной дамы продолжалось недолго. Завидев оскорбителя, она завизжала, протянула вперед руки и помчалась к нему с явным намерением вцепиться в лицо и выцарапать глаза.

Аршак насупился и обнажил меч. Ему не слишком нравилась идея убить женщину, но он видел, что другого выхода, похоже, Зоэ ему не оставила. К тому же, если он прирежет эту кровожадную и алчную бабищу, народ только спасибо ему скажет.

И тут случилось нечто странное. Аршак ощутил сзади на своей шее прикосновение чьих-то невесомых рук. Он замер. Хотел было повернуться, но понял с неожиданной ясностью, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой. Откуда-то потянуло холодом. Перед глазами все поплыло, слилось и смешалось, однако равновесия он не терял, как будто неведомый источник холода поддерживал его каким-то образом, не прикасаясь. Образ Зоэ расплылся и исчез в мутном розовом водовороте. Он хотел закричать, но не смог. Губы онемели, горло перехватило.

Чей-то шелестящий голос проговорил:

- Однако не нада напрягать себя. Лучше мало-мало расслабиться. Не больна. Хорошо. Не нада бояться.

"Кто боится-то?" - хотел было сказать солдат, но вместо этого дернулся и провалился в мягкую темноту.

- Прости, дорогой, - нежно говорила Семирамис, наматывая на палец длинную черную прядь волос своего возлюбленного. - Я, наверное, не должна была показываться здесь в этой диадеме. Но твой подарок настолько хороши, что мне хотелось, чтобы и другие увидели, как ты любишь меня.

- Ладно, - проворчал Конан и высвободился. - Ты хорошо спрятала ее, Семирамис?

- Да уж не сомневайся. - Она наклонилась к его уху и громко зашептала: - Я зарыла ее...

- Стоп! - рявкнул варвар, прикрывая ее рот своей огромной мозолистой ладонью. - Женщина, неужели тебе нужно кричать об этом на весь кабак? Лучше помолчи. Скажешь потом.

Она отстранилась с недовольным видом.

- Как хочешь. Ты спросил - я хотела ответить... В последнее время ты стал очень груб со мной, Конан. Я уж подумываю, не поискать ли мне другого мужчину. Который был бы ласков и внимателен...

Не слушая попреков, Конан тянул себе и тянул красное винцо.

Подумав, Семирамис сменила тему.

- Зачем ты отпустил того солдата? - спросила она. - У других не было возможности разглядеть тебя как следует, они были слишком заняты потасовкой. Но этот пялился на твою

физиономию при свете факела несколько минут. Он сможет узнать тебя при встрече, даже если ты переоденешься.

- Ну и что? - проворчал Конан. - Ну и пусть узнает. У меня нет привычки таиться по углам. Я не крыса.

- Конечно, ты - лев, и безумием было бы спорить, - подхватила Семирамис. - И все же его нужно было прирезать. Покойник не проболтается. Или ты, быть может, пожалел его?

- Вот еще, - сказал Конан, опрокидывая в раскрытый рот остатки вина из кувшина. - Я никого никогда не жалею, разве что детей или беспомощных женщин. Просто не видел смысла марать руки. Неудачникам нет места в жизни, и они сами уступают дорогу тем, кто сильнее и ловчее.

- И удачливее, - вставила Семирамис.

Конан кивнул.

- Удача приходит к тем, кто не страшится испытаний, - сказал варвар. Он изрядно захмелел.

- Вот почему, например, мне повезло? Да очень просто! Боги благоволят к таким, как я. Я встречаю опасности грудью, с высоко поднятой головой! Я не рассчитываю ни на чью помощь и доверяю только силе своих рук и крепости своего старого меча! Когда в заброшенной гробнице я дрался с мумией древнего царя...

К столику, где выхвалялся подвыпивший варвар, стали стекаться благодарные слушатели. Некоторые из них откровенно потешались, внимая его наивной похвальбе, - но большинство знали, что Конан говорит правду, и кивали, соглашаясь.

Среди знакомых физиономий Конан вдруг различил нечто совершенно странное. На него не мигая смотрел какой-то желтокожий человек с круглым и плоским лицом. Пухлый рот и округлые безбородые щеки делали его похожим на ребенка. Однако это был взрослый мужчина, маленького роста, худощавый, узкоплечий. Что он делает в этом жутком обществе рослых крепышей?

- Эй ты, - крикнул ему Конан поверх голов, - недомерок... Ты кто такой, а? Я тебя что-то раньше не видел.

Две узкие черные щелки под пушистыми бровями тут же моргнули. Человек понял, что обращаются к нему. Странным ломким голосом, от которого у Абулетеса мурашки побежали по коже, он ответил:

- Моя имя Ючэн из Кхитая. Ючэн. Ты Конан, ты запоминай это имя. Я хочу быть знаком с тобой.

Киммериец пожал тяжелыми плечами.

- Если тебе этого хочется, Ючэн. Но сперва объясни мне, что tolku мне в таком друге, как ты? Я могу свернуть тебе шею одной рукой и сомневаюсь, что в бою ты мог бы быть мне полезен. Что до краж и воровства... Может быть, ты и ловок, но разве кто-нибудь в Шадизаре может сравниться в этом деле с Конаном-киммерийцем?

- Ты Конан, ты очень высоко думаешь о себе, - бесстрастно ответил маленький человек. - Но ты хорошая мальчик. Я буду помогать.

Все в кабаке, включая Семирамис и Абулетеса, застыли. Худших слов этот заморыш и придумать не мог. Если он желал подружиться с Конаном, ему следовало превозносить его силу и ловкость и уж ни в коем случае не нужно было предлагать помошь.

Конан побледнел от ярости и сжал кулак.

- Ты хочешь сказать, что я могу нуждаться в помощи?

Кхитаец покосился по сторонам, как показалось Абулетесу, с хитрецой, но когда он заговорил, он был само простодушие.

- Нет, Конан, конечно нет. Я Ючэн, - я нуждаюсь в помощи. В твоей помощи. Ючэн -

слабый, Конан - сильный. Ючэн - бедный кхитаец. Конан самый-самый ловкий.

Удовлетворенный, Конан кивнул, и, к удивлению Абулетеса, дело обошлось без кровопролития.

- Учи, Ючэн, я терпеть не могу слабаков, - сказал Конан.

- Ючэн - не слабак. Ючэн просто маленького роста, - успокоительно заметил кхитаец и, не дожинаясь приглашения, уселся за столик. - Конан, пусть твоя женщина уходит. Нада говорить. Нада секретна говорить.

Семирамис вспыхнула от гнева.

- Да как ты смеешь, грязная желтолицая обезьяна... - начала она.

Неуловимым движением кхитаец схватил ее за руку, и Семирамис неожиданно замерла и замолчала. На ее лице пропустило недоумение. Она раскрыла рот, но не смогла больше произнести ни звука.

Улыбнувшись Конану, Ючэн спросил:

- Так пусть твоя женщина уходит?

- Семирамис, - обратился к своей возлюбленной варвар, - ты же видишь, что тут мужской разговор. Так что тебе лучше уйти.

- Пусть твоя женщина скажет, кто такой Ючэн. Не обезьяна. Пусть скажет по-настоящему.

Кхитаец выпустил руку Семирамис. Женщина с трудом перевела дыхание, метнула на Конана злобный взгляд и выпалила:

- Свинья! Ленивая свинья! На твоих глазах меня подвергают пытке...

- Какой пытке? - Конан недоумевал. - Я что-то не заметил, чтобы тебе сделали больно. Он просто взял тебя за руку...

- Просто? Да я слова не могла вымолвить, пока он не убрал свои лапы!

- Для женщины это пытка - не говорить, - сказал Ючэн. - Но теперь пусть говорит. Кто такой Ючэн по-настоящему?

- Да не обезьяна ты, не обезьяна! - закричала Семирамис, готовая разрыдаться. - Хоть и похож.

Ючэн рассмеялся.

- Теперь уходи, - сказал он. - Я буду говорить с твой хозяин.

Последнее было уже чересчур для вспыльчивой девицы, однако взгляд неподвижных черных глазок-щелок не сулил ей ничего хорошего, поэтому она, скрипнув зубами, повернулась к мужчинам спиной и гордо удалилась, раскачивая бедрами.

- Напрасно ты так, - сказал Конан. - Для начала запомни: я ей не хозяин.

Ючэн удивился.

- Ты платил, она делала для тебя хорошее. Ты - хозяин. Разве не так? Кто платит, тот хозяин. Я хочу быть хозяином. Я плачу тебе, ты делаешь для меня что-то хорошее.

Абулетес, краем уха подслушивающий их разговор, помертвел. Сейчас точно начнется членовредительство. Возможно, придется соскабливать мозги кхитайца с потолка... Сделать киммерийцу _т_a_k_o_e_ предложение! Этот Ючэн, должно быть, сошел с ума.

Однако ничего не произошло. Спустя несколько секунд Абулетес, облегченно переводящий дух и вытирающий со лба холодный пот, сообразил: варвар был настолько дик и далек от восточной развращенности, что даже не слыхивал о том, чтобы мужчины делали любовные предложения другим мужчинам. Видимо, непролазное невежество Конана и спасло Ючэна от немедленной расправы.

Прошло еще несколько минут, и выяснилось, что кхитайца могло подвести лишь скверное владение заморанским языком, на котором он изъяснялся хоть и бойко, но с чудовищными ошибками. Речь шла об услуге, весьма далекой от той, которую оказывала Конану пылкая

Семирамис.

- Конан, - сказал маленький человек, - ты нуждаешься в деньгах. В золоте. Тебе нужна много денег - покупать вино, женщин, удовольствия. Мне нужна одна вещь. Ты достаешь ее, я даю деньги.

- Тебе нужно, чтобы я кое-что украл? - Конан засмеялся. - Не вижу никаких препятствий. Скажи только - что именно, где оно находится, хотя бы примерно, и я по нюху сщу тебе твою безделушку так легко, словно она намазана пахучим веществом! Если, разумеется, твоя цена будет для меня подходящей.

- Цена подходящая, - сказал Ючэн. - Неподходящая безделушка. Трудно взять.

Кхитаец обернулся и неожиданно встретился глазами с Абулетесом. Трактирщик вздрогнул и сердито принял протирать тарелку засаленным лоскутом.

- Идем, - сказал кхитаец. - Ты великий вор, но тот человек - он великий подслушиватель. Надо секретно говорить.

Вместе они вышли из кабака и направились на улицу. В дверях мелькнуло два силуэта: рослый, мускулистый - варвара и маленький, юркий - кхитайца. Потом они исчезли, словно растворились в ярком свете жаркого солнца, пылавшего в этот час над Шадизаром.

- Так о чем мы с тобой договариваемся, друг Ючэн? - спросил наконец Конан, когда они с кхитайцем оказались на шумной площади. - Если ты слышал обо мне хоть что-нибудь, то тебе известно, что я самый ловкий и умелый вор во всем Шадизаре. Так что не думай, будто для меня существуют препятствия.

Кхитаец в этот момент стоял возле лоточника, торгующего свежими пирожками с рыбой. Он, казалось, не слушал похвалы своего собеседника, целиком поглощенный выбором пирожка. Тыча пальцем то в один, то в другой, он на ломаном заморанском выяснил, насколько свежа рыба и нет ли, случаем, запеченных в тесте кальмаров. Лоточник, с ненавистью поглядывая на настырного кхитайца, объяснял сквозь зубы, что рыба свежая, а кальмаров нет и не бывает. Кхитаец кивал, и блестящая тонкая иссиня-черная косичка на спине извивалась, как живая.

- Я немного покупать, - объявил Ючэн.

- Плачу! - царственным жестом отстранил его от лоточника Конан. - Я куплю тебе пару пирожков, если хочешь.

Ючэн покивал и заулыбался.

- Да, три пирожка - подходящее. Абулетес... как правильно выразить? Он неаккуратный. Невкусно. Богиня - она учит: все должно быть чистое.

- Какая еще богиня?

- Шан, моя богиня. Ючэн жрец, Ючэн в джунглях. Там храм, высокий, с золотой крышей. Богиня из камня, зеленого камня. Светится от солнца.

Конан наморщил нос.

- Какое мне дело до твоей богини! Абулетес неряха, это всем и каждому известно. А ты, значит, чистоплюй?

Кхитаец пожал плечами.

Конан полез в кошелек, болтавшийся у него на поясе, чтобы вынуть оттуда несколько серебряных монет. Он хотел показать кхитайцу, что денег у него куры не клюют и что он, Конан-киммериец, не очень-то нуждается во всяких там маленьких желтолицых человечках с их послами хорошо заплатить.

Но денег в кошельке не было. Конан пошевелил пальцами внутри мешочка в поисках хотя бы одной-двух монет. Вместе с тем он лихорадочно соображал, сколько дал вчера Семирамис, которая ныла, что нуждается в новом покрывале для волос и новой шелковой юбке, поскольку

старую молодой варвар случайно порвал, в нетерпении атакуя свою подружку. Нет, не мог он дать ей все. Наверняка что-нибудь да оставил. Даже если был вчера очень пьян.

- Что-то не так, Конан? - спросил Ючэн, с любопытством наблюдавший за поведением киммерийца.

- Проклятье, кажется, я все деньги отдал этой чертовой шлюхе! - в сердцах сказал Конан. - Еще вчера у меня тут болталось штук двадцать золотых, хорошая добыча после налета на одну менятьную лавочку...

- Ц-ц-ц... - огорченно зацокал кхитаец и полез в свой кошелек, откуда извлек две маленькие монетки странной прямоугольной формы. - Продающий пирожки, возьми монеты моей родины. Это крупные монеты, хорошие. Видишь, настоящее серебро. Ты выручишь за них много-много денег твоей родины. Твои деньги хуже моих, дешевле. Дадут больше.

Лоточник недоверчиво взял странные квадратики и прикусил их зубами. Результаты исследования, видимо, удовлетворили его, потому что он лично выбрал для кхитайца три самых крупных пирожка да еще и поклонился в придачу.

Ючэн жизнерадостно, совсем по-детски, начал кусать пирожок своими мелкими белыми зубами, всякий раз причмокивая. Конан между тем продолжал, бормоча себе под нос, исследовать кошелек.

- Говоришь не давал женщине все деньги? - спросил Ючэн с набитым ртом. - Это хорошо. Это правильно. Только вот что в твоем кошельке, Конан.

С этими словами Ючэн протянул свою тонкую смуглую руку и просунул ее в отверстие, сделанное острым, как бритва, ножом, в днище кошелька. Сунувшись в мешочек, Конан вдруг увидел, как там извиваются ловкие тонкие пальцы кхитайца.

- Дырка, - сказал Ючэн, сияя. - Однако хороший вор. Незаметный и быстрый. Обокрал тебя, а ты и не заметил.

Не веря своим глазам, Конан уставился на дыру. Несомненно, здесь поработал опытный карманник. В считанные секунды он вспорол брюхо Конанову кошельку и опустошил его, после чего исчез бесследно, растворившись в толпе, которая кишила на шадизарском базаре. Киммериец едва не застонал при мысли о том, что ворюга действовал как раз в тот момент, когда он, Конан, громко похвалялся, рассказывая простодушному Ючэну, какой он замечательный вор, и претендую чуть ли не на титул короля воров. Бешенство овладело им, и, рыча от ярости, Конан хватил своим могучим кулаком по прилавку, где торговали спелыми дынями. По несчастливой случайности кулак угодил прямо в дыню. Овощ разлетелся на куски, сок и мякоть забрызгали и продавца, и случившегося поблизости покупателя, и самого Конана, залепив последнему глаза. Оглашая окрестности громкими проклятиями, киммериец протер глаза и машинально сунул мякоть в рот.

Побледневший торговец приподнялся и, часто облизывая от волнения губы, начал требовать, чтобы ему возместили убыток.

- Я потерял товар! - вопил он, брызгая слюной. - Я потерял покупателя! Ты вдвойне должен мне, невоспитанный болван!

Конан молчал, медленно свирепея. Его ярость достигла того накала, когда еще немного - и варвар превратится в небольшое стихийное бедствие, сокрушающее на своем пути и правого, и виноватого.

Поскольку Конан молчал, торговец продолжал наступать.

- Понаехали в Шадизар! - надрывался он. - Куда только смотрит гвардия! Вор на воре, жулик на жулике, а теперь еще и грабят средь бела дня!

Ючэн оттеснил Конана от прилавка и посмотрел торговцу в глаза. Тот замолчал на полуслове, приоткрыв рот.

- Хорошо, - одобрильно сказал Ючэн. - Вы оба умылись и умыли покупателя. Сок дыни хорошо для кожи. В Заморе много пыли. В Кхитае пыли нет.

Пока ошеломленный торговец моргал, пытаясь сообразить, что все это значит, маленький кхитаец спокойно взял киммерийца за руку и увел его подальше от прилавка. Торговец смотрел ему вслед готовый каждую секунду разразиться новой бранной тирадой. До него так и не дошло, что Ючэн только что спас ему жизнь.

Наконец Конан тяжело перевел дыхание. Его глаза горели злобным огнем.

- Жаль, что это была не голова того вора, - сказал он хрипло. Клянусь, я размозжил бы ему череп!

- Это ты мог бы сделать, - кивнул Ючэн. - Но это.... как сказать? Он все равно будет более ловкий, чем ты.

- Мертвый не будет, - мрачно заявил Конан. - И ловкость рук ему уже не поможет.

- Слушай, - сказал Ючэн. - Я расскажу притчу. Ты будешь слушать и думать о том, что слышишь. Был один бродячий жрец, он ходил по свету и смотрел, везде ли соблюдают установления Шан. Люди - они не совершенны, даже если стремятся к совершенству, люди часто нарушают установления Шан. И жрец всякий раз видел такое нарушение и проклинал нарушающих страшным проклятием. И так полюбилось ему это: видеть нарушения и проклинать, что он стал специально искать кого бы ему проклясть сегодня. Вот приходит он однажды к одному святому, к Юни. Юни был великий святой, он жил, как отшельник, один, но принимал всех людей и давал им еду для тела и мудрое слово для души. Последнему нищему Юни служил, как царю. Таков был Юни, и чтил он заветы великой Шан.

Против своей воли Конан заинтересовался. Он любил сказки и разные истории, особенно касающиеся битв и героических деяний. Однако предание, которое рассказывал своим ломким голоском этот странный узкоглазый человечек в просторном желтом халате из плотного атласа, показалось ему забавным. Он не мог отделаться от ощущения, что сказка таила в себе некий подвох, и ему хотелось угадать, какой именно.

- И вот входит в пещеру, где жил Юни, сердитый жрец и думает: попробую найти что-нибудь и проклясть Юни! Если мне это удастся, то я действительно великий жрец и никто лучше меня не может чтить заветы Шан. Юни поклонился ему до земли, как великому царю, а после усадил на циновку в самый почетный угол пещеры и предложил ему тарелку лапши, и к лапше еще морской капусты и папоротника. Это все очень-очень вкусно, - пояснил кхитаец Конану, который всем своим видом выражал недоумение: как можно угодить человеку, пытаясь накормить его пищей, по мнению киммерийца, предназначающейся для травоядных животных.

- Вот ест сердитый жрец, а сам смотрит по сторонам и все выискивает, за что бы ему проклясть Юни...

- И нашел? - спросил киммериец.

Ючэн радостно кивнул.

- О, да. Жрец таки проклял Юни за непочтительность. Святой забыл вытереть остатки пищи с ног своего почтенного гостя...

Конан выслушал с приоткрытым ртом, а потом запрокинул голову и оглушительно захахотал.

- Это же надо так жрать! - выговорил он. - Даже ноги забрызгал!

Ючэн прищурился так, что глаз на плоском лице вообще не стало видно.

- Вот ты смеешься, это хорошо. Смеющийся не станет убивать. Убивать плохо.

- А красть, по-твоему, хорошо? - спросил Конан, который на миг позабыл о том, что хотел стать королем воров.

Однако Ючэн не воспользовался этой промашкой молодого варвара и на полном серьезе

ответил:

- Красть - тоже плохо, но лучше. Не будь как тот жрец, который сам нарушал заветы, а других проклинал.

- Я не мальчик, чтобы какой-то пройдоха из джунглей учил меня, что я должен делать, а чего я делать не должен, - сказал Конан, как только уяснил, что сказка закончена и больше ничего интересного не будет. Он обожал истории, но терпеть не мог поучений. - Между прочим, я давно уже расстался с материнской титькой и теперь соображаю самостоятельно.

- Притча не для мальчиков, - сказал Ючэн примирительно. - Притча для мужчин. Чтобы они слушали и мало-мало думали. У нас так положено. Для того и жрецы.

Конан рассеянно забрал из рук Ючэна последний пирожок и целиком отправил его в рот. Он чувствовал настоятельную потребность подкрепиться, а ничто так не улучшало настроения варвара, как еда. Иногда он даже думал, что еда - это единственная вещь в мире, не считая, конечно, битвы, которая всегда верна сама себе и не обманет.

- Ладно, кхитаец, говори, что за дело у тебя, - сказал он с набитым ртом. - Кажется, я должен что-то украсть? Теперь мне, как ты понимаешь, по-настоящему нужны деньги. Если ты дашь мне больше, чем я смог бы выручить за твою безделушку у шадизарских перекупщиков краденого, то я с радостью помогу тебе.

- У Шан есть статуя, - сказал Ючэн. - Зеленый камень. Я сам ее делал. Ючэн - скульптор. Для статуи были сделаны украшения, среди них пояс из белого золота. Он усыпан блестящими прозрачными камнями, которые режут стекло...

- Алмазами, что ли? - жадно спросил Конан.

- Да-да, алмазами. Это священный пояс. Его нужно вернуть. Богиня послала меня сюда, чтобы я вернул его.

- А что, его похитили?

- Несколько лет назад в джунглях заблудился человек, не похожий на кхитайца. Его нашли крестьяне, долго лечили, кормили, потом приводили к Шан, чтобы он увидел лицо истины. Они думали: он умеет благодарить. Но этот человек вместо благодарности однажды ночью раздел статую богини, забрал в мешок ее нарядный пояс и убежал. Много времени мы искали его следы. Потом нашли.

- И убили его? - спросил Конан.

- Нет, зачем убивать его? Пусть другие убьют его. Если он скверный человек, то и друзья у него скверные. Кровь не вернет похищенного богине. Нам он нужен был лишь для того, чтобы отыскать украденные вещи.

- Вы отыскали все, остался лишь пояс?

- Ты сказал истину. Этот пояс - последнее, что нужно мне в Заморе. Как только он будет у меня, я отправлюсь с караваном обратно в Кхитай и поднесу его богине. Шан будет рада, Шан будет смеяться. У нас будет хороший год, уродится рис, хорошо будут ловиться крабы и кальмары, пройдут косяки рыбы... - Глазки кхитайца затуманились мечтами.

Конан смотрел на него со странной смесью восхищения и презрения. Восхищала целеустремленность этого человека. Он знал, чего хотел и добивался этого год за годом. Теперь он почти у цели, и этому можно только позавидовать. Презирал же его варвар за приземленность и простоту этой цели. Сам Конан понятия не имел, чего он хочет в жизни. Может быть, завоевать королевство и сесть на трон, чтобы оттуда вершить судьбы мира. А может, наворовать столько, что можно было купить парочку городов и навести там свои порядки. Во всяком случае, неоформленность жизненных планов отодвигала на неопределенный срок их воплощение.

- Стало быть, ты хочешь, чтобы я вытащил этот пояс из того сундука, где он зарыт. - Конан решил опустить кхитайца с небес его мечтаний на землю суровой действительности.

Черные щелевидные глаза, тут же засияли прежним деловым огоньком.

- Именно, именно. Я говорю, где этот пояс спрятан, ты идешь и его берешь. Тогда я даю тебе деньги, много денег.

- Только не в твоих дурацких серебряных квадратных монетах, предупредил Конан. - Я не хочу походить на идиота.

- О да, да. - Кхитаец закивал, и коса опять заплясала на желтом атласе халата. - Конечно. Я даю тебе в заморанских золотых. Я даю тебе несколько десятков. Два с половиной десятка.

- Это почти столько, сколько у меня украли, - начал было Конан. Получается, я буду работать даром. А я хочу не только возместить похищенное, но и хоть немного навариться.

- Э, Конан, навариться не получается. Ты хлопать ушами, как слон в кхитайских джунглях...

Конан с гордостью подумал о том, что, по крайней мере, каков из себя зверь по прозванию "слон", он уже знает.

- Можешь не стараться, кхитаец, - сказал варвар немного свысока. - Я уже имел дело со слоном. И не простым, а закодрованным. Он прилетел с другой планеты. Он был в заточении в волшебной башне, и злой колдун отрубил ему руки и ноги. Но вот пришел я...

Ючэн поморщился, как от зубной боли.

- Да, я уже понял. Я скажу Шан: "Ючэн видел в Шадизаре самого великого человека. Он украл все деньги Заморы. Он победил всех злых колдунов. Он освободил слона, и слон улетел на родную планету..."

Конан пристально посмотрел на бесстрастное плоское лицо кхитайца: уж не вздумал ли маленький жрец из непроходимых джунглей смеяться над ним, киммерийским воином? Но ни тени улыбки не обнаружил на пухлых светлых губах. Ни один мускул не дрогнул на лице Ючэна под огненным взором пытливых синих глаз.

- Я продолжаю, - сказал Ючэн, сделав короткую, но очень выразительную паузу. - Ты хлопал ушами, ловкий вор разрезал кошелек и украл твои деньги. Но нет связи с кражей. Кража простая, нужно забраться во дворец Зоэ, где ты уже был, и взять пояс. Она прячет его в ларце, насколько я выведал, в своем висячем саду. За это я плачу деньги.

В какое-то мгновение Конан понял, что столкнулся с твердой, как скала, волей, которая была сильнее его собственной. Продать пояс в Шадизаре невозможно, это украшение известно всем и каждому. С другой стороны, кража действительно очень простая.

- Я помог тебе, - добавил кхитаец неожиданно. - Там, во дворце, тебе никто не будет мешать. Просто возьмешь и все.

- Как это "не будет мешать"? - Варвар удивился. - Мне и без твоей помощи никто не смеет мешать. А если кто-нибудь по несчастливой случайности встречает меня в коридоре, когда я крадусь к своей цели, то наутро беднягу находят плавающим в луже крови.

- Не понадобится, - лаконично сказал кхитаец, но объяснить ничего не стал.

- Хорошо. Когда передать тебе побрякушку?

- Сегодня через три часа после восхода звезды Цы, - предложил кхитаец.

Конан слыхом не слыхивал ни о какой звезде Цы и потому тут же нашел более простой способ.

- Во дворце градоправителя отбивают ночные стражи, - сказал варвар, успевший хорошо изучить шадизарские порядки. - Между третьей и четвертой стражами я буду ждать тебя в тени деревьев напротив дворца. Там нас никто не увидит.

- Хорошо, - кхитаец кивнул и двинулся прочь.

Конан окликнул его:

- Погоди, Ючэн. На всякий случай скажи мне, где тебя искать.

- Нигде.

- Но ведь ты где-то живешь здесь, в Шадизаре?

Ответ был более чем странным.

- Я нигде не живу, тем более в Шадизаре, - сказал кхитаец... и исчез.

Дворец графини Зоэ поражал своей красотой. Он был построен из белого камня и украшен искуснейшей резьбой. На плоской крыше, обнесенной узорной балюстрадой, раскинулся знаменитый висячий сад. Здесь опытные садовники выращивали в кадушках чудесные тропические деревья. Небольшие пальмы с раскидистыми листьями и мохнатыми стволами, мясистые, зеленые с желтыми пятнами агавы, ощетинившиеся кактусы, изящные розалии всевозможных цветов и оттенков и множество других диковинных кустарников и деревьев. Все это требовало непомерных расходов, но когда речь заходила об удовольствиях блистательной Зоэ, с расходами не считались.

Конан остановился посреди сада, равнодушный к его чарующей красоте. Он прокрался во дворец, хоронясь в тени, пересек просторный двор, еще раз внимательно осмотрелся и ловко, как кошка, вскарабкался по стене на крышу. Как и говорил Ючэн, никто во дворце не пытался препятствовать ему. Создавалось впечатление, будто владения Зоэ погружены в глубокий, непробудный сон. Фонтан журчал оглушительно в этой мертвенно-тишине.

Безмолвие ночи начало настораживать варвара. Не нравилось ему, когда дела шли так гладко. По собственному горькому опыту он знал, что там, где поначалу не встречается никаких препятствий, в конце концов их оказывается слишком много. Так много, что подчас приходится уносить ноги, спасаясь бегством и отказавшись от всякой добычи.

Он сделал еще несколько бесшумных шагов. Никого. И вдруг заметил в тени фонтана человеческую фигуру. Казалось, стражник притаился, готовясь напасть на взломщика из засады, как только тот повернется спиной. Конан хищно усмехнулся, вытащил из-за пояса нож и скользнул к своему будущему противнику. Однако тот не пошевелился, как будто и не заметил варвара. Опасаясь какой-нибудь особо изощренной хитрости, Конан стал подкрадываться к человеку, выверяя каждое свое движение. Но тот никак не реагировал. Наконец, подойдя вплотную, Конан присел на корточки и потыкал в человека острием ножа. Тот не двигался. Нож как будто упирался в камень. Конан осмелел и коснулся рукой лба стражника. Лоб был холоден, как лед.

- Статуя, - пробормотал киммериец. - Но до чего же похожа на настоящего человека! Это она специально такое сюда поставила, что ли, чтобы воров пугать? Так настоящего вора не запугаешь!

Однако в этой "персоне" было нечто такое, от чего у Конана мороз по коже пошел. Что-то в глубине его дикой души подсказывало: перед ним _н_e с_t_a_t_u_y_a_.

- Покойник? - вслух предположил Конан. - Да нет, какие глупости. Если это был мертвец, нож вошел бы в плоть. Статуя, конечно же, статуя.

И тут "персона" повела глазами. Глаза были живые, и варвар увидел в них удивление и тоску. Как будто это Нечто не понимало, что с ним происходит, и страшно скучало, обнаружив себя в одиночестве и неподвижности здесь, в висячем саду возле фонтана.

Конан глухо вскрикнул и отскочил.

- Кто ты? - прошептал он, с трудом взяв себя в руки. - Если ты демон, то имей в виду: и на демона найдется холодная сталь!

Но "персона" безмолвствовала. Вскоре Конан пришел к выводу, что перед ним нечто странное, но достаточно безобидное и не способное причинить ему, Конану, ощущимый вред. Самое большое, на что ее хватало, это страдальчески водить глазами. Ну, от этого еще никто не умирал, подумал киммериец и приступил к поискам ларца.

Он обшарил несколько кадушек, безжалостно выворотив оттуда пальмы, а потом взгляд его

упал на маленькую деревянную пагоду, очень похожую на ту, что недавно расписывал ему Ючэн. Видимо, ее поставили здесь для того, чтобы, не выходя из дома, Зоэ могла чувствовать себя в далеких джунглях Кхитая. Плоские, точно нанизанные одна на другую крыши были раскрашены золотой и алоей краской. Должно быть, при солнечном свете они ослепительно блестят.

Конан потянул за крышу и легко снял ее. Ларец. Он запустил туда руку и почти мгновенно нашупал что-то узкое и твердое. Вытащив предмет под яркий лунный свет, киммериец увидел чудесный блеск алмазов. Пояс из белого золота в виде двух тесно сплетающихся змей. Там, где головы рептилий сближались, сверкал большой алмаз, который змеи держали в зубах с двух сторон.

На миг Конану вспомнилась диадема. Не ее ли имел в виду кхитаец, когда говорил о том, что почти все похищенные вещи уже возвращены богине? Но Конан тут же покачал головой. Диадема находится у Семирамис, а подружка киммерийца была не такой женщиной, которая выпустит из рук подобную драгоценность. Вряд ли хрупкому на вид Ючэну удалось бы отобрать у Семирамис ее добычу, если даже такому могучему гиганту, как Конан, это подчас бывает не под силу. Вероятно, сходство объясняется просто тем, что вещи сделаны в одной и той же стране. Может быть, даже одним и тем же мастером, вот и все.

Конан тряхнул головой, отбрасывая с лица гриву черных густых волос. Не все ли ему равно! Сейчас нужно думать о том, как получить с Ючэна деньги за сделанную работу, а остальное его не касается.

Сунув пояс в мешок и накрыв пагоду крышей, киммериец неспешной походкой двинулся к балюстраде, чтобы спуститься по стене в том месте, откуда начал свое восхождение.

Аршак открыл глаза. Поначалу ему казалось, что вокруг царит непроглядный мрак, но постепенно тьма начала рассеиваться. Наконец он различил рядом с собой странно знакомое лицо с узкими глазами. Он хотел пошевелиться и тут же вспомнил: в саду, когда рассвирепевшая Зоэ мчалась к нему, заранее растопырив когти, кто-то подошел сзади, напустил ледяного холода, после чего он не смог больше двинуть ни рукой, ни ногой, точно провалился в мертвенное оцепенение.

Как будто угадав его мысли, незнакомец прошелестел:

- Ты свободен от чар и можешь шевелиться. Попробуй.

Аршак ощутил приступ страха. Он опасался, что навсегда останется неподвижным, как бревно, и боялся теперь даже попробовать согнуть палец.

И снова узкоглазый прочитал его мысли.

- Не бойся, - сказал он мягко, - говорю тебе, я снял чары. Ты проверь свою свободу, ты попробуй. Страх - это нормально, у всех после этого страх. Он проходит.

Аршак внезапно ощутил доверие к этому непонятному человеку, который, вне всякого сомнения, зачем-то закодировал его, а теперь по столь же далекой от понимания причине снял свои чары. Бывший гвардеец согнулся в коленях ноги и по-детски обрадовался тому, что мышцы подчинились, Повозившись немного, он сел и протер глаза.

Была ночь. Над головами у них щелестили деревья, и по этому звуку и пряному запаху листвы Аршак определив, где они находятся: в небольшом саду напротив дворца градоправителя. Не слишком удачное место, подумал Аршак, однако говорить ничего не стал.

Маленький кхитаец внимательно наблюдал за ним. Потом спросил, дружелюбно улыбаясь:

- Ты Аршак, ты говорил это имя Конану.

- Правда, - Аршак удивлялся все больше и больше. - Разве ты был в той харчевне у Абулетеса, когда Бахтияр пытался арестовать похитителя диадемы?

- О да, да, - отозвался кхитаец, кивая. - Я был.

- Кто ты такой? - Аршак чувствовал, что теперь окончательно сбит с толку. Кхитаец ответил

с таким видом, будто одно только его имя должно все объяснить.

- Я Ючэн, - сказал он, - я жрец богини Шан.
- Я не знаю такой богини.
- Это богиня моего народа. Далеко, в джунглях.
- Пресветлый Митра! Что же ты делаешь, в таком случае, в этом проклятом богами городе? Я думал, кроме воров, торговцев и взбесившихся от скуки, обжорства и разврата вельмож, тут никого не водится.
- Я пришел сюда за украденным у моей богини, - пояснил Ючэн.
- Хорошо, но при чем тут я? - Аршак слушал, широко раскрыв глаза. Он почти ничего не понимал из того, что говорил ему хитаец.
- Мне нужен слуга, - без обиняков заявил Ючэн. - Ты лучше пойдешь со мной. Если ты поможешь Шан, мой народ даст тебе много-много хорошего. Деньги, красивые шелка. Будешь хорошо жить.

- Я не понимаю, - признался Аршак. - Почему, в таком случае, ты выбрал меня?

- У меня нет времени долго-долго выбирать. Ты честный и годишься в слуги. Конан тоже честный, но в слуги не годится. Другие нечестные. Я понятно говорю?

- Вполне. И что, в таком случае, я должен буду делать?

- Охранять меня. Не надо воевать. Если кто-нибудь приблизится злой, а я сплю - ты будишь меня. Кричишь: "Ючэн, вставай!" Этого довольно. И еще надо нести статую.

Ючэн жестом указал на темный продолговатый предмет, скрытый под покрывалом. Видимо, это и была статуя.

- Я скульптор, - сказал Ючэн. - Я сделаю новое тело для богини Шан. Она будет смеяться, и у нас выпадет разноцветная роса. Будет красиво. Она обрадуется. Люди тоже обрадуются.

Аршак боязливо покосился на статую, лежавшую на земле. Она подозрительно напоминала обыкновенный труп. Наконец он решился.

- Можно посмотреть?

- Конечно, конечно. - Казалось, Ючэна даже позабавила эта просьба. Он с готовностью снял покрывало, и в лунном свете перед Аршаком предстала фигура женщины, изваянная в полный рост. У нее были длинные волосы, уложенные кольцами над лбом, большие миндалевидные глаза, изящных очертаний нос и крупный рот. Сложение женщины было достойна бойни: пышная грудь и непомерно узкая талия. Чуть-чуть широковатыми казались бедра, но это искупала идеальная форма длинных ног. Статуя была покрыта тонким слоем позолоты, таким нежным, точно золотой порошок стряхивали с крыльев бабочки.

- Хорошо - прошептал Аршак. Он наклонился поближе, всматриваясь в ее лицо. - Только... Я как будто видел ее раньше.

- Да, да, конечно, ты видел. Все видели.

Аршак вскинул глаза на скульптора.

- Ты лепил ее с этой чертовки Зоэ! - воскликнул он в удивлении. Неужели она согласилась позировать тебе? Не мог же ты ухватить ее черты после одной только встречи? Да и то ты наверняка мог видеть ее только в паланкине, лежа в грязи на обочине дороги, пока она проезжает ко дворцу градоправителя...

Хитаец тихонько засмеялся.

- Я не лепил, - сказал он. - Это сама Зоэ.

Наступило молчание. Потом Аршак переспросил:

- Что значит "сама"? Так это не статуя?

- Это тело для богини. Ты помнишь, как я сделал тебя неподвижным?

Бывшего солдата передернуло при одном только воспоминании.

- Пожалуйста, если ты не хочешь, чтобы я сбежал, не говори мне об этом. А то я буду тебя бояться.

- Нет, меня неправильно бояться. Я не злодей. Я не убиваю. Я скульптор. Я могу делать людей неподвижными. На время. Навсегда. Меня учили.

- Зачем же ты взял именно ее, Зоэ? Она такая скверная баба...

- Она больше не скверная баба. Зоэ была злая. Такая злая. Она не знала, что такое истина. Шан войдет в ее тело, озарит ее своим духом. Зоэ будет другая. Она увидит, что такое истина. Это правильно. Убить, наказать - было бы неправильно.

Аршак помолчал, осваиваясь с этой новой, непривычной для него философией.

- Возможно, ты и прав, - сказал он наконец и покосился на Зоэ. - И ты хочешь, чтобы янес ее на себе?

- Да. Она тяжелая. Ты сильный. Я тоже сильный, но по-другому. Я не умею носить тяжелые статуи. Меня не учили. - Он поднял с земли плащ, снял кожаные ремни, петлями свисавшие с его широкого пояса с кистями, и принялся упаковывать превращенную в изваяние Зоэ. Бережно завернул ее в плащ стянул ремни, сделал петли, чтобы можно было нести ее за плечами, как вязанку хвороста.

- Вот так не повредим, - сказал Ючэн удовлетворенно. - Попробуй, удобно ли тебе будет ее нести.

Аршак повиновался. Он плохо соображал, что происходит, - слишком много событий за такое короткое время. К тому же у него кружилась голова и он очень хотел есть.

- Мы чего-то ждем? - спросил он у своего нового хозяина.

Тот покивал.

- Да, мы ждем того человека, Конана. Он должен мне принести одну вещь, за которой меня и отправили в Шадизар. Мы возьмем эту вещь, мы отнесем ее в джунгли.

Издалека донесся приглушенный удар гонга. Кхитаец поднял палец.

- Третья стража, - сказал он. - Я правильно понимаю эти звуки?

- Да, - кивнул Аршак. - Еще две стражи, и наступит утро. Ты хочешь выйти из города на рассвете?

- Лучше ночью.

- Ночью ворота закрыты. Мы сможем уйти только после того, как стражники поднимут решетки.

- Они поднимут решетки, потому что я их попрошу, - уверенно сказал Ючэн. - А теперь я хочу, чтобы ты ел. Ты голоден.

Аршак улыбнулся.

- Мне начинает нравиться эта служба, - сказал он. - Мой прежний начальник, покойный Бахтияр, никогда не обращал внимания на такие мелочи, как голод или жажда подчиненных.

- Как это говорят у вас, на Западе? - задумчиво проговорил Ючэн, роясь в своей шелковой торбочке, затянутой витым шнуром с кисточками. - О мертвых или хорошие слова, или никаких слов.

- А разве у вас, на Востоке, такого не говорят?

Ответ Ючэна заставил Аршака надолго замолчать.

- У нас, на Востоке, нет мертвых. Есть только реинкарнации. Последнее слово он выговорил с особым старанием, стараясь произнести его правильно, без акцента, чтобы собеседник понял. - О вновь рожденных и возрожденных можно говорить все что вздумается, лишь бы справедливо.

Кхитаец вынул несколько пресных лепешек и крохотный сосудик, в котором что-то булькало.

- Это мало, но очень много сил дает. Сначала поесть потом выпить. Потом спать. Я разбужу, когда будет пора.

Аршак повиновался. Он чувствовал, что подчиняться этому человеку будет легко и приятно. Ючэн знал, что говорил. Все, что делал маленький кхитaeц, было исполнено глубинного смысла, что было не всегда понятно с первого взгляда. Но в том, что такой смысл был, бывший гвардеец больше не сомневался.

Он действительно утолил голод одной маленькой лепешкой, после чего проглотил горькую маслянистую жидкость, заключенную в сосудике, разом напился и согрелся, и сам не заметил, как заснул крепким, здоровым сном.

Донесся еще один приглушенный удар гонга, и почти одновременно с тем, словно вырастая из-под земли, перед Ючэном возникла рослая темная фигура. Низкий голос прошептал, выговаривая слова со знакомым жестким акцентом:

- Ючэн, это ты?

- Конечно, - хихикнул кхитaeц. Было заметно, что у него отличное настроение, хотя различить что-либо в узких глазах, почти полностью скрытых под тяжелыми веками, было почти невозможно. - Ты Конан, ты принес?

- Да. - Варвар покачал в руке мешочек, в котором явно лежало что-то увесистое. - Но сначала я хочу видеть мою плату. У тебя есть деньги, чтобы выкупить у меня пояс из белого золота?

- Есть, есть. - Кхитaeц суетливо зарылся в свою торбочку. - Ты Конан, ты не сомневайся.

- И в заморянских монетах, не забудь, - уточнил Конан. - Я не хочу связываться с твоими серебряными квадратиками, которые то ли деньги, то ли просто мусор с рудника.

- Конечно, конечно. - Ючэн извлек наконец мешочек, тоже довольно тяжелый. - Зачем обманывать? Ты делаешь для меня что-то хорошее, я должен заплатить.

Конан бросил кхитайцу мешочек и, ворча, как голодный пес, схватил свою плату. Дернув завязки, он сунул нос в кожаный кошелек, пощупал монеты, попробовал их на зуб.

- Вроде золото, - пробормотал он. - Если ты обманул меня, Ючэн, то берегись. Я найду тебя даже в джунглях. Человек ты или демон, из плоти и крови или из слоновой кости и дерева, я раскрошу тебя на куски, ибо нет ничего крепче холодной стали!

- Но я не демон, - сказал кхитaeц. - Я Ючэн, я жрец богини Шан. Больше ничего.

Конан хлопнул его по плечу с такой силой, что маленький жрец даже присел.

- Ладно, это я так, к слову. Прощай, Ючэн. Надеюсь, твоя богиня будет довольна и по достоинству вознаградит тебя.

- Да, - вполне серьезно ответил Ючэн. - Шан будет смеяться, Шан захлопает в ладоши. Прощай, Конан.

Конан еще раз сжал худенькое плечо кхитайца, повернулся и широким шагом двинулся прочь. На ходу он размахивал руками, и Ючэн знал, что сейчас его рот растягивается в довольную улыбку. Кхитaeц наклонился над своим спящим слугой.

- Аршак, вставай. Пора уходить. Самое время, пока Конан не встретился со своей женой. Нехорошо будет, когда Конан встретит свою жену.

Ничего не поняв в этой, как показалось Аршаку, бессмысленной тираде, заморанец тем не менее встал и с помощью Ючэна взвалил на плечи свою ношу. Он с удивлением обнаружил, что нескольких минут сна ему вполне хватило для отдыха и покосился на кхитайца с суеверным страхом. Колдун ему в хозяева достался, что ли?

И, как обычно, Ючэн прочитал несложные мысли своего слуги.

- Я не колдун, - сказал он. - Я жрец. Я ваятель. Больше ничего.

- В конце концов, ты совсем неплохой хозяин, - пробормотал Аршак. - А до остального мне

и дела нет.

Вдвоем они направились к городским воротам. Чем ближе они подходили к закрытой на мочь тяжелой черной решетке, тем более молчаливым и задумчивым становился Ючэн. Наконец они остановились.

Городские стены уносились вверх зубцами и башнями. В ночной темноте они нависали над путниками, как глыбы древнего камня. В маленьком караульном помещении, где размещалась стража, горел слабый огонек. В узком окне то и дело мелькал чей-то горбоносый профиль.

- В карты режутся, - сказал Аршак. - А может, в кости. Ночная стража ужасно скучное дело. Сам, бывало, просиживал до утра. Иной раз последние штаны спустишь, лишь бы от скуки избавиться.

- Сейчас им будет интересно, - пообещал Ючэн. Он подошел поближе к окошку и стал смотреть долгим, неподвижным взглядом.

Ничего не происходило. Ючэн не превращался в ужасное чудовище, не вызывал монстров из ночного мрака - вообще не делал ничего. Он только смотрел. Постепенно шум, доносящийся из караульного помещения, смолкал. Аршак ощущал, как до него медленно доползают волны почти непреодолимого ужаса, и задрожал.

Ючэн уловил это и мгновенным движением выбросил назад руку, словно желая его успокоить.

- Не бойся, - бросил он через плечо и снова сосредоточился на окне.

Прошло еще несколько секунд и вдруг дверь распахнулась с такой силой, как будто ее вышиб ударом ноги разъяренный демон. Испуская пронзительные вопли, стражники бросились бежать кто куда.

Один из них кричал, не переставая:

- Змеи! Змеи!

Другой голосил:

- Крокодилы!

Проводив их глазами, Ючэн тихонько рассмеялся.

- Какие змеи? - сказал он лукаво. - Какие крокодилы? Откуда они знают, какие крокодилы? В Заморе этих тварей нет.

- Должно быть, рассказов наслушались, - ответил Аршак, у которого зуб на зуб от страха не попадал. - В гвардии есть ребята, которые побывали даже в Стигии, те каких только ужасов не рассказывают.

Ючэн внимательно посмотрел на него и тихонько коснулся его лба. Аршак ощущал, как страх уходит почти физически, как будто тонкие желтые пальцы Ючэна всосали в себя все дурные чувства и видения и выбросили их вон, точно стряхнули воду. Ючэн действительно взмахнул рукой, и с кончиков пальцев полетели разноцветные искры. Мгновение они плясали в черном воздухе, складываясь в жуткие картины, а потом рассеялись. Вместе с ними рассеялись и страхи.

- А тебе что привиделось? - спросил Ючэн.

Аршак густо покраснел.

- Сперва мой начальник, Бахтияр. Будто гонится за мной с плеткой. А потом эта дурища Зоэ, с клыками и когтями, как тигрица.

- Неужели ты мог испугаться таких ничтожных людей? - с любопытством поинтересовался Ючэн.

Аршак покачал головой.

- Нет. Но от них... как бы сказать правильнее? От них разило могилой. Они как будто пришли издалека. Из царства смерти.

- Глупости, - заявил Ючэн. - Вас, на Западе, так легко испугать. Вы боитесь того, чего не надо. Змей бояться не надо, они не нападают. Мертвых бояться не надо. Я научу тебя. Мертвых не бывает. А тело, откуда ушла душа, не бегает. Оно лежит и молчит, и земля поглощает его.

С этими словами маленький кхитаец прошествовал в караульное помещение и взялся за тяжелый ворот, которым обычно поднимают решетку. Для этого, как правило, требовалось человек пять дюжих молодцев. Аршак хотел было сказать Ючэну об этом, но прикусил язык: решетка - заскрипела и медленно поползла вверх. Ючэн крутил ворот двумя руками с довольно-таки большим усилием, но он делал это _о_д_и_н_!

- Проходи, - сказал он Аршаку с таким видом, будто не случилось ничего особенного.

Аршак повиновался. Он решительно отказывался понимать кхитайца. Откуда в хилом теле такая чудовищная сила? И в то же время, почему он не может нести на себе тяжесть? Ведь Зоэ, в конце концов, не такая уж тяжелая. А превращенная в статую, она еще удобнее для транспортировки: не гнется, не брыкается.

Когда он спросил об этом Ючэна, ответ кхитайца ясности не внес.

- Я по-другому сильный, - сказал он и надолго погрузился в безмолвие.

Вскоре два путника уже шагали по старой дороге, ведущей на восток. Через несколько часов пути эта дорога выводит на большую караванную тропу, и Ючэн рассчитывал присоединиться к какому-нибудь большому каравану, который движется в сторону моря Вилайет и дальше, за Гирканские степи, к далекому, загадочному Кхитаю.

Ликуя, Конан ворвался в дом на окраине Шадизара, где обитала его возлюбленная Семирамис, и, еще не успев закрыть за собой двери, закричал, обращаясь в душную темноту спальни:

- Семирамис! Семирамис! Это я, Конан! Смотри, сколько денег я украл сегодня вечером!

Ответа не последовало. Это слегка удивило Конана. Он был уверен, что женщина никуда из дома не уходила. Они собирались провести вдвоем упоительный вечер и не менее упоительную ночь.

- Семирамис? - повторил он потише и, предчувствуя подвох или засаду, на всякий случай обнажил меч.

В доме было темно. Конан осторожно прошел несколько шагов, держась наготове. Всякую секунду он ждал нападения из сумрака. Остановился, пошарил вокруг руками, ощупал занавески, скрывающие вход в спальню Семирамис. Никого.

Он отвел занавески в сторону и нашел в углу масляную лампу.

Раздался тихий шорох, потом глухой стук и горловой стон. Конан замер, прижавшись спиной к стене. Что-то зашелестело по полу, как будто к киммерийцу подбиралась огромная змея. Одним прыжком Конан вскочил на табурет, держа в одной руке меч, в другой лампу. Шелест стих, и Конан счел, что получил передышку в неожиданной ночной схватке для того, чтобы можно было зажечь свет.

Через несколько секунд слабый огонек уже затеплился в лампе. Подняв ее повыше над головой, Конан осмотрелся в комнате.

Никакой змеи не было и в помине. Вместо чудовища, затаившегося во мраке, киммериец увидел, что на полу, возле табуретки, лежит его возлюбленная Семирамис, связанная по рукам и ногам, с кляпом во рту. Видимо, пытаясь освободиться, она упала с постели, куда уложил ее неведомый злоумышленник, а потом покатилась навстречу Конану.

- Кром! - Киммериец поспешил спрыгнуть с табурета, умудрившись при этом не выронить и не опрокинуть лампу. Глиняную плошку с плавающим в ней фитилем он осторожно поставил на табурет, после чего склонился над женщиной и начал пилить мечом веревки, стягивающие ее руки, стараясь не отрезать Семирамис заодно и пальцы. Это занятие требовало от киммерийца

особой осторожности, поскольку в его задачу не входило увечить женщину. Когда она в нетерпении задергалась, он машинально стукнул ее по лбу рукоятью меча. Она снова затихла, и, поскольку больше не мешала варвару работать, он спокойно продолжил свое дело.

Наконец Семирамис была освобождена. Конан взял ее на руки, ласково погладил по лицу и поцеловал.

Она тут же распахнула яростные черные глаза.

- Негодяй! - вскричала она, как будто плюнула.

Конан от неожиданности выронил ее на пол. Падая, Семирамис гулко стукнулась головой. Конан усился на табурет и стал ждать. Наконец с оханьем и стенаниями Семирамис поднялась на ноги и обтерла распухшие от кляпа губы.

- Так почему я негодяй? - спросил киммериец.

- Мерзавец! Мерзавец и осел, - ответствовала женщина. - С кем это ты водил дружбу последние дни?

- А с кем? - простодушно удивился варвар. - По-моему, я ни с кем дружбы не вожу. Да и не нужен мне никто, Семирамис. Я и сам неплохо справляюсь.

- А этот проклятый кхитаец, этот Ючэн или как там его? Обезьяна эта желтомордая!

- Ючэн попросил меня об одной услуге и неплохо за нее заплатил, если уж на то пошло. Думаю, завтра утром он покинет Шадизар. Так что слухи о нашей с ним дружбе несколько преувеличены, Семирамис. Да что с тобой?

Он заметил, что женщину буквально трясет от злобы.

- Что со мной? - вскричала она. - А то! То, что ты подарил мне эту проклятую диадему, а потом, как только почуял, что можешь получить от желтолицего хорошие денежки, навел его на мой след!

- Глупости! - Конан наконец рассердился. - То, что я подарил, то твое.

- Как бы не так! Диадема-то тю-тю!

В своей ярости Семирамис не знала удержу. Она сжала кулаки и несколько раз взмахнула ими перед носом Конана. Варвар недоуменно поднял брови. И вдруг до него дошло.

- Ты хочешь сказать, что диадемы больше нет? Ее украл?

- Вот именно! Святые небеса, наконец-то он понял! Укради, сперли, слямзили, свистнули, похитили, если хочешь. Какое из этих слов тебе знакомо, варвар?

- Все, - угрюмо сказал Конан. - Расскажи, как все было, Семирамис. Тебя связал похититель?

- Да, да! А ты что думал - насильник?

- Вот уж чего я не думал, - фыркнул Конан. - Если мужчина вламывается к тебе с такой целью, ему вовсе не требуется тебя связывать.

- Вот именно. Словом, слушай. Поздний вечер. Я сижу одна дома и жду тебя, мой возлюбленный. Я расчесываю волосы, думая возложить на них диадему, чтобы ты мог любоваться мною. Диадема лежит рядом на столе, алмазы бросают яркие отблески...

- Я понял, - заметил Конан. - Дальше-то что было?

- Дальше... - Семирамис сделала страшные глаза. - Дверь тихо скрипнула. Сперва мне подумалось: ветер. Но вот острые иголочки страха пронизали мое естество... То есть, я хочу сказать, что ужасно перепугалась. И вдруг из темноты соткалось кошмарное чудовище! Оно скалило клыки, испускало страшное зловоние, оно тянулось ко мне своим раздвоенным языком, норовя поглотить! Я видела его синеватое небо... О, Конан, это было чудовищно, чудовищно! Я закричала. Оно бросилось ко мне, и меня окатило холодом. Потом я потеряла сознание.

Во время этого душераздирающего рассказа Конан мрачно созерцал свои сандалии, время от времени шевеля пальцами ног.

- Ну вот, - захлебываясь, продолжала Семирамис. - А когда я очнулась, я увидела, что диадема пропала! Я лежу, связанныя, на своей постели. Хвала пресветлому Митре, этому злодею не пришло в голову меня изувечить. Я хотела закричать, позвать на помощь, но рот у меня был заткнут. И тут вернулся страх... Я увидела в воздухе плавающие разноцветные точки, и они сперва сложились в того монстра, а потом рассыпались и снова сблизились, но на этот раз на меня смотрело лицо кхитайца! И оно усмехалось, как будто хотело сказать: "Ничего страшного, Семирамис. Я забрал то, что принадлежит мне". - Семирамис замолчала, задумалась. - Ты знаешь, Конан, - добавила она, - может быть, я даже _с_ _л_ _ы_ _ш_ _а_ _л_ _а_ эти слова на самом деле.

- Словом, диадемы нет, и ты обвиняешь в этом кхитайца, - поды托жил Конан. - Может быть, ты и права.

- Почему ты так думаешь? - Семирамис вцепилась в его руку.

- Потому что я только что украл по его поручению одну вещь, которая выглядела так, словно создавалась под пару диадеме. Ючэн утверждал, что она принадлежала богине Шан, и, что он пришел из своих диких джунглей специально ради этих безделушек. Он, видите ли, должен вернуть их в храм. Я думаю, пока я лазил во дворец Зоэ и искал там пояс белого золота, Ючэн не терял времени даром и ограбил тебя.

- Может быть... Но зачем он поручил именно тебе забрать этот пояс? Он же мог найти любого другого вора...

Конан сверкнул на нее глазами.

- "Любой другой" мог бы и не справиться, дорогая, - сказал он заносчиво. - Все-таки здесь нужна определенная ловкость и сноровка. Я забирался по отвесной стене на крышу висячего сада... и вообще.

Семирамис покачала головой. Она уже почти оправилась от перенесенного кошмара и заговорила рассудительно и трезво:

- Мне кажется, причина в ином, Конан. Ючэну нужно было, чтобы ты находился не у меня дома, а где-нибудь в другом месте. Причем в таком месте, куда ты непременно пойдешь. А если ты и можешь на что-нибудь променять любовное свидание, так это на хорошую кражу.

- Верно, - пробормотал Конан, уязвленный. - Значит, этот маленький поганец рассчитал все безошибочно. Пока я обворовывал Зоэ, сам он потрудился здесь, обворовывая меня.

- Обворовывая _м_ _е_ _н_ _я_, - поправила Семирамис.

- Неважно, - отмахнулся Конан, не замечая, что на лице Семирамис пропустило странное выражение, словно она хотела возразить: "Очень даже важно". - В конце концов, он заплатил мне за пояс. Довольно много золота. Тем более, что сегодня утром на базаре...

Он хотел было сказать, что его обокрали, но вовремя остановился и прикусил язык. Незачем этой насмешливой женщине знать еще и об этой его неудаче.

Но Семирамис пристально слыша за ним.

- Так что было сегодня утром на базаре?

- Я пропил почти все деньги.

- И одарил каким-нибудь баснословным подарком какую-нибудь дешевую девку? - ревниво спросила Семирамис.

- Да нет же, - отрекся Конан. - Просто так вышло. Клянусь, я люблю только тебя, Семирамис. Я подарю тебе другую диадему. Если хочешь, подождем, пока градоправитель одарит свою любовницу, и я снова обкраду эту потаскуху Зоэ.

- Хочу! - просветлела Семирамис и умчалась на кухню, чтобы приготовить своему возлюбленному ужин. Голова у нее болеть перестала, Конан опять был при деньгах - почему бы не полюбить молодого киммерийца? Семирамис всегда ощущала к этому юноше вполне искреннее расположение, перерастающее в пылкую страсть всякий раз, как он обзаводился

толстым кошельком.

И вдруг дикий рев ее возлюбленного заставил Семирамис выронить столовый нож и в спешке примчаться в комнату.

- Кром! - воззвал варвар к своему дикому божеству, после чего, без паузы, начал изрыгать ругательства на всех известных ему языках. Поскольку ругательства были обычно первыми словами, которые киммериец усваивал, оказавшись в новой для себя стране, то знал он их изрядное количество. Золотые монеты были рассыпаны по полу у ног Конана, как будто они обожгли ему пальцы и он выронил их.

- В чем дело, дорогой? - осведомилась Семирамис, уяснив, что ни змеи, ни крокодилы не заползли ненароком в ее уютный домик, и, что возлюбленный цел и невредим, а если и повредился слегка рассудком, то хуже от этого не стал. Женщина наклонилась и подняла золотой. - Что-то не так с этими деньгами?

Умело она прикусила золотой, потом принялась рассматривать его и так и этак.

- По-моему, это хорошие старинные монеты, - сказала она наконец. - Я видела такие как-то раз. Да ты мне и показывал. Помнишь, когда обворовал меняльную лавочку? Эти деньги намного дороже новых, потому что в них меньше медных примесей.

Конан дико посмотрел на нее.

- Это и есть те самые монеты, - сказал он.

Семирамис не поняла.

- Что?

- Это т_е_с_а_м_ы_е_ деньги, которые я спер из меняльной лавочки! заорал Конан. - Я убью этого проклятого кхитайца! Он обворовал меня! Это он вспорол мой кошелек там, на базаре! А сам еще сочувствовал, желтая морда, кивал, языком цокал! Пирожком угостил! Зенки свои косые щурил с хитрецой, а я-то и не понял!

Слушая этот бессвязный монолог, Семирамис раскрыла рот от изумления.

- Ты хочешь сказать... что утром на базаре тебя о_б_в_о_р_о_в_а_л_и_?

Конан побагровел.

- Ну да, - нехотя сознался он. - Какая-то чертовски ловкая бестия разрезала мой кошелек, и вытащила оттуда все деньги, пока я... - Он криво улыбнулся, вспомнив свой разговор с кхитайцем. - Пока я хлопал ушами не хуже слона.

Он подумал еще немного, потом наклонился и принялся собирать деньги с пола складывая их в мешочек.

- Ты мог бы разыскать этого кхитайца и вытрясти из него все, что он украл у тебя... и у меня, - сказала Семирамис.

- Думаю, Ючэна уже нет в Шадизаре, - сказал Конан. - Я почти уверен, что он смылся, как только получил пояс богини Шан.

- Но как? Ворота-то закрыты!

- Не знаю. Прошел сквозь стену или еще что-нибудь учудил. Он говорит, что не колдун, только жрец. Но в чем разница между жрецом и колдуном? Конан пожал плечами. - Это не по моей части. В том, что Ючэн умеет творить чудеса я не сомневаюсь.

- Значит, все пропало! - сказала Семирамис с отчаянием. Ей было очень жаль расставаться с диадемой.

Конан неожиданно рассмеялся и рывком затянул тесемки своего кожаного кошеля.

- В конце концов, - сказал он, - если Ючэна в городе больше нет, значит, я по-прежнему самый ловкий вор в Шадизаре!